

ЯСНАЯ ПОЛЯНА КАК ЗАКОДИРОВАННАЯ ПАМЯТЬ

Е.б.ж. (если буду жив - Н.Н.), именно таким закодированным закланьем Лев Толстой встречал новый день. С годами жизнь казалась всё более и более промыслительной, приоткрывая тайны своих сакральных смыслов. Многое, что окружало его, приобретало статус символа, например, число «28», ставшее со временем нумерологической формулой, шифром, кодом жизни, вместившем в себя рождение и уход; пленительная фигура круга, вдохновлявшая не только ходить, но и мыслить кругами; сладкий «анковский» пирог, многослойный, с лимонной начинкой, рифмованный с семейным достатком и благополучием. Все эти знаки были для него воплощением некоего совершенства. Их было немало. Всех не перечать.

Страсть к символам у Толстого врождённая, востребованная самой семантической природой усадебной жизни, её глобальной знаковой и эмблематичностью. Любой усадебный организм подобен небесному Эдему, Вселенной в миниатюре, т.е. эмблематичен как бы априори, по определению. Будучи своеобразной калькой мира, земной версией небесного прообраза. Ясная Поляна представляла собой произведение символов и иносказаний. Случайностям здесь не находилось места. Только в восточной части Ясной Поляны мог появиться главный въезд, «начало начал» усадьбы, обрамленный двумя башнями, и только в её западной, финальной точке могло найтись место для вечного покоя. Только здесь сонм многочисленных, разбегающихся в разные стороны тропинок, сливался в один мощный поток, образуя главную аллею - Прешпект - главный усадебный выход.

Для писателя Ясная Поляна, спроектированная его дедом, была ещё и своеобразной памятной книгой рода, «пахнущей» воспоминаниями, наполненной образами предков, множеством загадок и ребусов. Многие годы он «читал» эту книгу, и за это благодарная усадьба приоткрывала ему свой тайный смысл, становясь менее загадочной. Однажды, прочитав эту книгу как новеллу о деду и матери, он не закрыл её, а стал дописывать сам. После своей матери он уже был «вторичным» читателем Ясной Поляны, ещё незнакомым со многими аллюзиями, но страстно желавший их познать.

Культурная усадьба Толстого, её мифо-ритуальная реальность - наилучший комментарий к жизни и творчеству великого человека, ясный ответ на сложный вопрос: кто он и зачем? Всю свою жизнь он искал здесь следы своих предков, бродил по их тропинкам, пробирался по верхам и балкам в поисках их теней. Въездные башни, Прешпект, пруды, ампирные постройки, парки - всё напоминало ему о предках, всё было их памятными знака-

ми. Смерть родителей передала Толстому великое тайное послание, зашифрованное в многоликих усадебных образах, которые он пытался читать.

Дед писателя, выйдя в отставку, занялся усадебными делами, реализовав здесь свою невостробованность и отверженность сполна. Обустроивался он здесь с надрывом, гордо бросая вызов, всё ещё продолжая вести со светом свой неоконченный спор. Башни въезда, ров по периметру, огромный многокомпанентный ансамбль - всё невольно проявило амбивалентное положение князя, его опальность и фрондёрство в одном лице. В течение 20 лет дед писателя реализовывал свою идею создания здесь крепости-усадьбы, прибегая к использованию фортификационных элементов (башни, ров), призванных защитить его и потомков от всевозможных нападок извне.

Живя в Ясной Поляне со своей единственной дочерью, уже не первой молодости, вполне скептически оценивая её шансы на замужество, будучи к тому же сторонником аскезы, князь Волконский тем не менее сооружает грандиозную ампирную постройку с дорическим портиком, колоннадой, бельэтажем. Думается, что это не просто дань моде. В этом прочитывается нечто иное. Задуманный дом, состоящий из 32-х комнат, был своего рода вызовом, своеобразной перчаткой, брошенной отторгнутым князем петербургскому свету, горделивое желание изумить высший свет яснополянским «изяществом и капиталностью». Любопытно, что при фантастическом строительном размахе (здание ковровой фабрики, конюшня, оранжереи), князь «забыл» построить церковь. В этом тоже - иносказательный знак. В своём «экстракте» Вселенной Волконский, кажется, всё предусмотрел, в том числе и отсутствие храма. Ведь для него, «вольтерьянца», разум выше всякой церкви. Не здесь ли истоки толстовской оппозиции церкви?!

Для Толстого местом молитв стала яснополянская природа, особенно её Нижний парк с каскадом прудов, садовыми безумствами. Здесь всё романтично, всё напоминало о матери. Находясь в «тупом, тоскливом» состоянии, он приходил сюда и молился её душе, тут же мечтал об её «ласке-любви», здесь желал «прильнуть» к ней и быть ею «утешаемым». В этом пейзажном парке он искал следы её ног и, кажется, небезуспешно. Он находил здесь следы образа матери повсюду - в серебристых тополях, посаженных ею в виде ротонды, в чистых зеркалах прудов, в грациозной берёзовой аллее с таинственным ореховым тоннелем внутри её, в беседке-вышке.

Нижний парк - своеобразная новелла о матери, наполненная щемящим чувством одиночества. Основой интриги здесь послужила беседка, сооруженная на самой высокой точке яснополянского рельефа, над обрывом, почти над пропастью. Отсюда открывался вид на Посольскую дорогу и окрест неё. Место живописное и весьма удачное для обозрения ландшафта. Однако и этой высоты оказалось всё-таки недостаточно для умозрительных «полётов» матери Толстого. Беседку поэтому приподняли, нарос-

тили, поставив на четыре огромных столба. Оказавшись таким образом как бы на «пуантах», беседка модифицировалась в вышку, похожую больше на наблюдательный пункт, на строгого стража, на пронзительный крик одинокого журавля, равнодушно взирающего сверху на то, что называется «жизнью». Место получилось не для созерцания, не для душевных разговоров. Оно для надрывного ожидания.

Даже беглый взгляд на вышку-беседку, представляющую собой некий утрированный образ - всеобъемлющей тоски по совершенству, опровергает представление Толстого о счастливой замужней жизни своей матери. Тема одиночества по своему развивалась фиалками, олицетворяющими грусть и печаль. Беседка, ставшая в конечном счёте и караульной вышкой, местом томления и ожидания мужа - наглядный комментарий к расшифровке многозначного образа матери Толстого. Устремляясь на вышку-беседку, она как бы раздвигала своё мыслимое пространство, проникала взором за горизонт, преодолевала таким образом пределы своих возможностей и границ.

Лев Толстой настаивал на своём культе предков. Собирательным образом этого культа стал для него Большой фамильный дом его предков. Однако здесь случился парадокс. Писатель не раз «сжигал» всё то, чему поклонялся и поклонялся только тому, что уже «сжѐг». В молодости он продал этот священный Дом из-за долгов. Но образ дома, старинного друга, сохранила его память. Он поклонялся дому в своих воспоминаниях, которые оказались для Толстого реальнее, живее самой реальности. Более 50 лет писатель прожил в правом флигеле, который со временем увеличился, разросся из-за пристроек, и от этого, кажется, потерял божественную симметрию. Как жить в ассиметричном пространстве человеку, для которого симметрия и есть сам Бог? Не это ли обстоятельство послужило причиной для его ухода из Ясной Поляны? Какова, в таком случае, сила, власть знака?

Не только дом, но и его интерьер являл собой семантическое пространство, нуждающееся в пристрастном чтении. Ведь обстановка дома - это тоже «эхо», своеобразно повторяющее сложную «драму идей» своего хозяина. Поразительно, но факт: дом великого пацифиста, непротивленца, вегетарианца, наконец, украшен охотничьими принадлежностями. Строгий проповедник целомудрия в любви предстаёт здесь терпеливым отцом большого семейства (13-ти детей), страстный поклонник произведений Николая Ге экспонирует в своём кабинете литографии «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Здесь всё в противоречиях, раздиравших когда-то этого великого человека, и вне которых он не мыслил себя, и всё - в удивительной гармонии.

Таков парадокс Толстого и соответственно его дома, теперь как бы живущего за хозяина и пристально смотрящего на нас... Лев Толстой, не задумываясь о плагиате, смело копировал усадебные идеи своего деда. Из выведенного князем яснополянского алгоритма, он черпал вдохновение. Дедовскую идею парка-Эдема он перевёл в сад, потом в леса и просторы.

Он унаследовал от предков и страсть к усадебным аллегориям, к цветам и их символам.

С самого раннего детства Лева-Рёва запомнил голубую поляну, находившуюся близ Старого Заказа. Здесь братья Толстые играли в «зелёную палочку», искали тайну глобального счастья. Поляна запомнилась ещё и потому, что представляла собой сказочный голубой ковёр из незабудок - символа вечной любви и памяти. Символична и последняя просьба Толстого: похоронить его на этой поляне. Возможно, она была продиктована и мыслью о незабудках, небесных хранителях памяти и любви.

После Толстого Ясная Поляна по-прежнему наполнена символами, аллегориями и мифологемами. Это место действует на нас, как живое магическое существо, с которым мы вступаем в диалог, высокое сопереживание, в любовную связь. Ясная Поляна - это пространство любви, по которому мы странствуем в любом душевном состоянии. Уже в 20-30-е годы сюда на поклон к Толстому шли люди со своими радостями и болями, оставляя у могилы, под камнем, «записочки» с мыслями, мольбами и просьбами. Союзником по горестям или радостям был выбран Толстой, который и после смерти «не мог молчать». Кажется, что здесь материя истончилась до символа, знака, который иначе, чем священным не назовешь.

Позднее, когда, казалось, уже более некому поклоняться, и Небо пусто, сюда, в Ясную Поляну, стихийно хлынул ошеломляющий поток молодожёнов. Ведь где, как не здесь, могло состояться своеобразное «венчание» молодых при незримом согласии человека, больше всего на свете любившего Любовь?

Ясная Поляна, став любовным понятием, живёт теперь как бы «вне времени и вне пространства», создавая свои прихотливые символы любви. Не «дерево бедных», а композиция любви возникла здесь на одном из самых «публичных» мест Ясной Поляны. Это - флористическая пара из дуба и берёзы, похожая на танец любви. Где, как не на земле Апостола Любви мог возникнуть подобный символ? Толстой считал, что, если человека, наделённого великой мыслью, замуровать в подземелье, то его мысль пробьётся через толщу времени и станет жить своей жизнью. Мысль писателя, наполненная любовью, действительно прошла сквозь Время и материализовалась в этой замечательной композиции, и место вокруг него стало внезапно «литургичным». Сюда приходит и стар, и мал, чтобы поклониться Любви в образе переплетённых друг с другом деревьев. Здесь нет посторонних и лишних, только одни участники, завязывающие разноцветные узелки на память на ветках этих деревьев. Ясной Поляной в такие мгновения становимся мы сами, в лучшие наши часы - часы душевного покоя и откровения. Это акт нашего творчества, наш обряд, наш символ единения и «всехности».